

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
2. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
3. *Латышев, Л. К.* Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : НВИ-Тезаурус, 2001. – 280 с.
4. *Фёдоров, А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Фёдоров. – 5-е изд. – СПб. : филол. ф-т СПбГУ; М. : Издат. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
5. *Виноградов, В. С.* Перевод: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : КДУ, 2004. – 240 с.
6. *Ключенович, С. С.* Перевод немецких отсубстантивных прилагательных на русский язык / С. С. Ключенович // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 18–19 апр. 2006 г.: в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2006. – С. 32–35.
7. *Ключенович, С. С.* Функционально-коммуникативный потенциал отсубстантивной адъективации в современном немецком языке / С. С. Ключенович // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2007. – № 2 (27). – С. 134–141.

This research focuses on the problems of interaction of two linguocultures on the level of nomination units. The article discusses constructions related to the name of the German state as well as regional-geographic realia. The nomination units considered are incorporated into modern German discourse and contain ethno-cultural semantics. Possibilities of interpretation and rendering of semantics in translation are revealed.

Поступила в редакцию 18.01.2019

Л. Н. Неборская, В. С. Олесько

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТОВ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ЗАГОВОРОВ И МОЛИТВ

Исследование выполнено на материале древневерхненемецких текстов заговоров и молитв IX–XI вв., которые относятся к суггестивным типам текстов с семантикой побуждения к действию. В статье рассматриваются такие прагматические характеристики, как перформативность и апеллятивность, реализующиеся в рамках адресантно-адресатных отношений в коммуникативной структуре исследуемых текстов. Прагматическая установка на морфологическом уровне определяет выбор доминирующих языковых средств: обращений, директивных форм (инвективов и реквестивов), дейктических единиц.

Во второй половине XX в. в немецкой германистике формируется направление – историческая прагматика, в русле которой возникают многочисленные исследования, «выявляющие историческую динамику прагматических характеристик высказываний в тексте» [1, с. 3]. Постули-

руемая историчность речевой коммуникации и ее зависимость от развития социума в каждый конкретный период предполагают использование принципов коммуникативно-прагматического анализа на материале текстов, «созданных в исторически удаленные от нас эпохи» [1, с. 21].

Основываясь на положениях о том, что всякий текст коммуникативен, можно утверждать, что он способен оказывать прагматическое воздействие на получателя информации, и, соответственно, каждый текст обладает т.н. прагматическим потенциалом. В соответствии со своим коммуникативным намерением адресант отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи, в результате чего объективируется возможность произвести коммуникативный эффект на адресата [2, с. 209].

Материалом для данного исследования послужили памятники немецкой письменности IX–XI вв. – древневерхненемецкие заговоры и молитвы, которые относятся к суггестивным типам текстов с семантикой побуждения к действию. При помощи заговора человек пытается воздействовать на окружающий мир, изменять его, используя слово в качестве целительной или спасительной силы. Молитва – более поздний тип текста, сформировавшийся на основе языческих заговоров в процессе возникновения и распространения христианских верований, и его предназначение – получение конкретного результата путем обращения к Господу как высшей силе. Общими признаками заговоров и молитв являются их прагматическая направленность, ориентация на получение результата, установка на изменение или сохранение исходной ситуации при помощи высших сил. К специфическим признакам относится то, что заговорный текст направлен на выражение желания, предполагающее подчиненность адресата адресанту, в то время как в тексте молитвы адресант подчинен адресату. Данная система отношений адресанта и адресата в заговорах и молитвах определяет их важнейшие прагматические характеристики. В первую очередь – это перформативность, которая понимается как тождество слова и дела и является специфической чертой заговора, так как он рассчитан «на одновременное произнесение текста и совершение магической процедуры, то есть вербальный и операциональный элементы эквивалентны» [3, с. 14]: *Ic dir nach sihe, ic dir nach sendi mit minen funf fingirin funvi undi funfzic engili* ‘Я тебе вслед **смотрю**, я тебе вслед **посылаю** моими пятью пальцами пятьдесят пять ангелов’ [3, с. 131]. Заговоры рассматриваются как «радикальный» образец перформативных текстов, так как они нацелены на изменение не только социальной, но и материальной реальности [4, S. 165].

Текст молитвы же не обладает эксплицитной перформативностью, выраженной «в прагматических координатах непосредственного общения “я–ты–здесь–сейчас”» [5, с. 277], поскольку тот, кто произносит молитву, не обладает полномочиями совершать действие, направленное на получение желаемого результата. В религиозном дискурсе перформативность возможна

только в рамках ритуально организованного взаимодействия (крещение, венчание, отпевание и т.д.), где адресат подчинен адресанту (например, священнику).

В заговорах и молитвах можно выделить два речевых акта, несущих прагматическую нагрузку – аппеллятивы (обращения), обозначающие адресата коммуникативного акта, и директивы (приказы и просьбы), служащие для номинации в императиве или оптативе действий, осуществление которых эквивалентно достижению основной коммуникативной цели: *Gang ut, nesso, mit niun nessichlinon* ‘Выйди, **червь**, с девятью маленькими червями’. *Verstande thiz pluot, stand pluot fasto...* ‘Остановись, **кровь**, стой, **кровь**, крепко...’. *Heil sis tu wnte* ‘Заживи, **рана!**’. *Nu fluic du, vihu minaz, hera fridu frono in godes munt heim ui comonne gisunt* ‘Теперь лети ты, **мой скот**, сюда под покровительством Всевышнего, под защитой Господа, чтобы вернуться домой невредимым’ [3, с. 130–134]. *Trohtin got almahtigo, dir uuirdo ich suntigo pigihtic unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti dir gotes euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati ... Ich giho dir, trohtin, daz ich minemo lichnamin nura intliez dan ich scolte. Ich giho tir, trohtin, daz ich unmahtigero unti dero, de in charcharo unte in andren notin uuaron, nigiuinisota noh so nigehalf so ich scolta unti so ich mahta. Ich giho dir, trohtin, daz ich hungrenta nigilabota noh turstiga nigitrantca noh nackota nigiuinatta* ‘**Господь Всемогущий**, я исповедую тебе, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед тобой, священник Господний, все мои грехи и все свои плохие поступки ... Я исповедую Тебе, **Господи**, что я бессильный перед тобой, Ты был в тюрьме в нужде, и не держал зла, так и я должен. Я исповедую Тебе, **Всемогущий**, что я в голоде не ел, что в жажде не пил, будучи нагим, не имел одежды себе’ [6, S. 232].

Обращения, выполняющие функцию маркеров аппеллятивности, включены вместе с конструкциями с семантикой прямого и косвенного побуждения (оптативные и императивные конструкции) в структуру реализации основной интенции древневерхненемецких заговоров и молитв – выражение волеизъявления адресанта или побуждение адресата к действию [7, с. 749]. Исследователь Е. В. Комлева отмечает особую, конституирующую роль обращения, которое является связующим элементом текста. Помимо этого, «обозначая конкретного адресата, адресант разворачивает коммуникативную стратегию с ориентацией именно на данного адресата» [8]. С помощью данных прагматических маркеров говорящий и слушающий регулируют коммуникативный процесс. Комбинации конструкций с обращением и глаголом в императиве или оптативе, образуя семантическое ядро прагматической структуры данных типов текстов, выполняют функцию установления контакта с адресатом, одновременно реализуя волеизъявления (в заговорах) и желания (в молитвах) адресанта с целью побуждения адресата к совершению действия.

Следует отметить, что в заговорах аппеллятивы более разнообразны по своей структуре и семантике. Это объясняется тем, что заговоры характеризуются политеистичностью в выборе адресата. В качестве аппеллятивов

в текстах заговоров могут выступать не только Господь и его святые, но и болезни, животные, злые духи и все то, что непосредственно окружает человека в его повседневной жизни и что включается в прагматическую ситуацию заговора. Молитвы же, напротив, монотеистичны, т.е. в центре всего происходящего стоит только Господь, его сила и могущество.

В текстах молитв исповедального типа обращение может примыкать к структуре «местоимение 1 лица ед. числа + глагол *gihan* ‘исповедовать’» без эксплицитной маркированности побуждения к действию: *Trohtin got almahtigo, dir uuirdo ich suntigo pigihtic unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti dir gotes euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati, de ich eo missiteta odo missidahta odo missisprah vona minero toupha unzi in desin hutigun tach, dero ich gihukko odo nigehukko* ‘Господь Всемогуший, я исповедую тебе, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед тобой, священник Господний, все мои грехи и все мои плохие поступки, которые я совершил, что неправильно думал, неправильно сказал от своего крещения и до сегодняшнего дня, которые я вспомнил и не вспомнил...’ [6, S. 232].

Для молитв-исповедей характерна имплицитность выражения как просьбы или желания, так и не прямое обращение: *Ich gihun gode almahtigen unde allen godes engilon unde allen godes heiligon unde dir godes boden allero minero sundino, unde uuili dero bigihtig uuerdan, suo so ich se giuremidi, so uuaz so ich unrehdes gisahi ode unrehdes gehancdi...* ‘Я исповедую Господу Всемогушему перед всеми ангелами его, перед всеми святыми Господа, перед тобой, Божья Земля, все мои грехи, как я вижу, что я неправильно сказал, что согрешил неверным словом, плохим поступком...’ [6, S. 275].

Директивные речевые акты в исследуемых текстах представляют собой разный характер побуждения. Так, например, в заговорах побуждение основано на «приоритете говорящего» – это т.н. инъюнктивы. В молитвах же побуждения выражены в смягченной форме и базируются на выгоде, пользе от будущего действия, что зависит от того, к кому обращена молитва – т.н. реквестивы [5, с. 309–310].

Одним из средств реализации прагматического потенциала текстов древневерхненемецких заговоров и молитв являются единицы дейксиса, который традиционно понимается как соотнесение высказывания с пространственно-временными координатами акта высказывания [9]. Дейксис включает указание на компоненты речевого акта: участников речевого акта, предмет речи, временную и пространственную локализацию сообщаемого факта [10, с. 6]. Это своего рода координаты, которые могут быть выражены посредством лексических, морфологических и синтаксических средств и которые обеспечивают пространственно-временную прагматику дискурса. Различаются три основных вида дейксиса: персональный, пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, – это местоимения 1-го и 2-го лица («я–ты»), локативные («здесь–там») и временные («сейчас–тогда») выражения [11, с. 244–249].

Заговоры и молитвы содержат маркеры категории персонального дейксиса, т.к. соотносённость с системой отношений «я–ты» в данных типах текста определяется антропоцентрическим характером их двухсторонней структуры. Местоимения 1-го и 2-го лица представляют, таким образом, адресанта и адресата коммуникативного акта, а также описывают характер связи между ними.

В текстах заговоров отношения в системе координат «я–ты» предполагают подчинённость «ты» волеизъявлению «я», в роли последнего выступает и исполнитель, и заказчик заклинания. Сфера «ты» в заговорных текстах – это обращение к сверхъестественным силам, болезням, предметам, животным, Богу или его посредникам (святым или ангелам). В текстах молитв «я» подчинено «ты», в роли последнего выступает Господь, который решает, выполнять просьбу или нет.

Анализ текстов заговоров и молитв выявляет следующие способы выражения данной оппозиции в текстах древневерхненемецких заговоров: 1) оппозиция *ic* (адресант – исполнитель заклинания) – *dir* (адресат – заказчик): *Ich dir nach sihe, ic dir nach sendi* ‘Я тебе вслед смотрю, я тебе вслед посылаю’; 2) оппозиция *ic* (адресант – исполнитель и заказчик заклинания) – *dir/dich* (адресат): *Ich besuere dich bi ten heiligen fuf wnten* ‘Я заклинаю тебя пятью святыми ранами’; 3) *du* (адресат): *Also verstand du, bluotrinna, durh des heiligen Christes minna: du verstant an der note, also der Jordan tate, duo der guote sancte Johannes den heiligen Christ toufta* ‘Так же остановись и ты, кровотечение, ради любви святого Христа: ты остановись по необходимости, как сделал Иордан, когда добрый святой Иоанн крестил святого Христа’; 4) *du* (адресант – заказчик заклинания): *Nu ziuh ez da bi fiere, tu rune imo in daz ora* ‘Ты теперь потяни его сюда в сторону, шепни ему на ухо’ [3, с. 131–135].

Система отношений в структуре персонального дейксиса в текстах молитвы является однонаправленной и здесь можно выделить оппозицию: *ich* (адресант) – *dir* (адресат): *Trohtin got almahtigo, dir uuirdo ich suntigo pigihtic unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti dir gotes euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati* ‘Господь Всемогущий, я исповедую тебе, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед тобой, священник Господний, все мои грехи и все мои плохие поступки...’ [6, S. 232].

Особую роль при выражении различных комбинаций дейктической оппозиции играют указательные местоимения, которые разграничивают происходящие действия при прочтении молитвы или заговора на два плана: на все то, что находится перед глазами говорящего при осуществлении магических, священных действий в момент прочтения молитвы или в момент заговаривания; и на другую реальность, которая по какой-то причине отдалена в момент священных действий от реальности и окружения говорящего. Так, например, в текстах заговоров указательные местоимения употребляются в эпической части, когда проводятся параллели с фрагментами из жизни Христа, с чудесами, которые он творил при жизни: *Visc flot aftar themo*

uuatare, Verbrustun sina vetherun: Tho gihelida ina use druhtin. The selve druhtin, thie thena visc gihelda, Thie gihele that hers theru spurihelti ‘Рыба плавала по воде, у нее лопнули плавники: Тогда вылечил ее наш Господь. Тот самый Господь, который вылечил ту рыбу, Пусть тот излечит тогда коня от того паралича’ [3, с. 136].

Дейктическим маркерами прагматической структуры исследуемых текстов являются также обстоятельства времени и места, которые актуализируют сообщение. По мнению Ю. Д. Апресяна, «фигура говорящего организует семантическое пространство высказывания и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства. С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков – здесь и сейчас, а через них – и всех остальных» [12, с. 274–275].

Обстоятельства места наиболее точно описывают происходящие действия, уточняют его, раскрывают события, факты, проводят параллели с сюжетами из Библии. В исследуемых текстах заговоров и молитв дейктическими маркерами места являются обстоятельства, выраженные наречиями *hera* ‘сюда’, *heim* ‘домой’ и именами существительными в косвенных падежах с предлогом: *zi holza* ‘к лесу’, *in deo adra* ‘в жилы’, *in daz fleisk*, ‘в плоть’, *in daz fel* ‘в кожу’, *in tiz tullu* ‘на отросток копыта’, *in berke* ‘на горе’, *in demo Jordane* ‘в Иордане’, *ce Betlehem* ‘в Вифлееме’: *Der heiligo Christ wart gaboren ce Betlehem, dannen quam er widere ze Jerusalem. Da ward er getoufet vone Johanne in demo Jordane*. ‘Святой Христос родился в Вифлееме, оттуда он направился в Иерусалим. Тогда он был крещен Иоанном в Иордане’ [3, с. 133].

В оппозиции «тогда–сейчас» первый компонент «отсылает к прецеденту и тем самым притягивает прошлое к настоящему и создает впечатление непрерывности во времени» [3, с. 32], а второй – фиксирует положение в момент произнесения заклинания или молитвы: *Christ uuart gaboren er uuolf ode deiob. Do uuas sancte Marti Christas hirti. Der heiligo Christ unta sancte Marti Der gauuerdo uualten Hiuta dero hunto, dero zohono, daz in uuolf noh uulpa za scedin uuerdan ne megi, se uuara se geloufan uualdes ode uueges ode heido. Der heiligo Christ unta sancte Marti De fruma mir sa huito alla hera heim gasunta* ‘Христос родился раньше волка или вора. Тогда святой Мартин был пастырем Христа. Святой Христос и святой Мартин, соблаговолите управлять сегодня кобелями и суками, чтобы им ни волк, ни волчица не смогли бы навредить, куда бы они ни убежали: в лес или на дорогу, или в поле. Святой Христос и святой Мартин, да направьте вы мне сегодня всех сюда домой здоровыми’ [3, с. 129–130].

Достаточно частотное употребление дейктических маркеров пространственно-временной оппозиции в текстах заговоров создает «немедленность» или «сиюминутность» ситуации, что актуализирует прагматическую направленность на исполнение желаний в момент произнесения заговора.

В текстах древневерхненемецких молитв актуализируется оппозиция «сейчас и тогда» – «сейчас я каюсь в том, что совершил или не совершил тогда», что реализуется противопоставлением временных форм презенса или описательной конструкции «*werdan* + причастие настоящего времени и претерита». *Ih uuirdu gote almahtigen bigihtig enti allen gotes heilagon enti thir gotes manne allero minero suntono, unrehtero githanco, unrehtero uuorto, unrehtero uuenco, thes in unrehtes gisahi, unrehtes gihorti* ‘Я исповедую покорно Господу Всемогущему перед всеми Его святыми все свои грехи, неверные поступки, плохие слова, плохие дела, все, что я неправильно сказал, неправильно услышал’ [6, S. 136].

Сопоставительный анализ древневерхненемецких суггестивных текстов с семантикой побуждения к действию позволяет выявить некоторые общие и специфические особенности реализации прагматической установки на достижение желаемого результата на морфологическом уровне. Так, например, прагматические интенции заговора и молитвы реализуют обращения, императивные и оптативные конструкции. Дейктические единицы в тексте заговора устанавливают перформативную связь между текстом и ритуалом, что предполагает неизбежность наступления ожидаемого результата. Дейксис же молитвы не актуализирует результат, так как он зависит не от адресанта, а от адресата, повлиять на действия которого адресант не в состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по исторической прагматике германских языков : сб. науч. ст. / Санкт-Петерб. гос. ун-т ; редкол. : Г. А. Баева (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2012. – 272 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и ф-тов иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Альянс, 2013. – 253 с.
3. Топорова, Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров / Т. В. Топорова. – М. : Эдиториал УРСС, 1996. – 216 с.
4. Haeseli Christa, M. Magische Performativität. Althochdeutsche Zaubersprüche in ihrem Überlieferungskontext / Christa M. Haeseli. – Würzburg : Verl. Königshausen & Neumann GmbH, 2011. – 255 S.
5. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.
6. Köbler, G. Sammlung kleiner althochdeutscher Sprachdenkmäler / G. Köbler. – Giessen : GmbH, 1986. – 597 S.
7. Комлева, Е. В. Лингвистические маркеры апеллятивности в тексте (на примере современного немецкого языка) / Е. В. Комлева // Вестн. ОГУ. – 2009. – № 3 (5). – С. 746–755.
8. Комлева, Е. В. Апеллятивность в языке и речи / Е. В. Комлева // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина [Электронный ресурс]. – 2008. – № 5 (19). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/apellyativnost-v-yazyke-i-rechi-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka>. – Дата доступа : 29.01.2019.

9. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева [Электронный ресурс] – 1990. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/>. – Дата доступа : 21.04.2018.
10. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика местоимений / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1974. – 224 с.
11. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 1996. – 480 с.
12. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика [Электронный ресурс]. – 1986. – № 28. – Режим доступа : http://pcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_12APRES.pdf. – Дата доступа : 29.01.2019.

The study was carried out on the material of Old High German incantations and prayer texts of the 9–11th centuries, which belong to the suggestive type of text with imperative semantics. The article discusses such pragmatic characteristics as performativity and appellativity, implemented in the framework of addresser-addressee communication of the analyzed texts. The pragmatics of the incantations and prayers determines the choice of the dominant language means: vocatives, directives (invectives and speech acts of request), deictic units. The analysis revealed general and specific means of implementation of pragmatic potential on morphological level in connection with the structure and semantics of the units of analysis.

Поступила в редакцию 30.01.2019

Л. В. Солоневич

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВКУСОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности немецких глаголов, обозначающих вкусовое восприятие. На основе анализа выявлены основные семантические компоненты базовых глаголов вкусового восприятия, их словообразовательный потенциал и дифференциальные признаки глагольных дериватов. Установлены смысловые сферы, репрезентируемые глаголами вкусового восприятия, включающими указание на количественные и качественные аспекты перцептивного действия, на изучение вкусовых свойств пищи и напитков, получение удовольствия от процесса восприятия.

Восприятие представляет собой сложный когнитивный феномен, который является объектом изучения различных дисциплин. В философии восприятие трактуется как «возникающая в когнитивной системе живых существ непрерывная последовательность внутренних образных репрезентаций, воспроизводящих сенсорно распознаваемые объекты, события, состояния и т.п.» [1]. В психологии восприятие связывается с апперцепцией, то есть зависимостью восприятия от «прошлого опыта, от общего содержания психической деятельности человека и его индивидуальных особенностей» [2]. Как следует из дефиниций, восприятие характеризуется субъективностью в силу его взаимосвязи с прошлым опытом и внутренними репрезен-